

СОЗВЕЗДИЕ – 2024

сборник рассказов

Санкт-Петербург
2024

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

16+

ISBN 978-5-907720-48-0

«...это необходимо,
чтобы каждый вечер
над крышами
загоралась хоть одна звезда...»
В.В. Маяковский

Яркие звезды – большие и малые – рисуют в ночном небе контуры кораблей и сокровищ, героев и монстров. Чем дольше смотришь вверх, тем больше видишь звезд: они столетиями будят людские фантазии и порождают необыкновенные истории.

В этой книге собрано созвездие рассказов писателей, победивших в литературном конкурсе. Героями фантастики, фэнтези, мистики, хоррора, реальных историй стали дети и взрослые, обычные библиотекари и бесстрашные пираты, андроиды и драконы – мудрые или простодушные волшебные существа и люди. Их ждут невероятные приключения, небывалые происшествия, открытия и потери, печали и радости, отчаяние и надежда.

На страницах этой книги каждый из писателей делится искрами самых сокровенных историй с вами, дорогие читатели. С первой до последней строки вам будет интересно собирать свое созвездие приключений и впечатлений.

Не откладывайте! Следуйте за своей звездой!

Составители: Алексей Ладо, Тим Яланский

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-907720-48-0

© «VanGog studio», дизайн обложки, 2024

© ООО «Издательский и книготорговый холдинг
«СЛАВЯНСКОЕ ГОСУДАРСТВО»», 2024

I. Реальные истории

Елена Маючая

Я – Кит

Очень краткая повесть (или невесть) о моей жизни.

Кит растет

Я родился очень маленьким. Настолько, что акушерка сказала моей матери: «Навряд ли». А я взял и выжил. Но почему-то долго не хотел разговаривать: ни в год, ни в два, ни в четыре. Мама меня очень уговаривала и водила по врачам, а потом к лохматой черной бабке, но я не сдавался и молчал. Пока однажды не проболтался. Я сидел на диване и смотрел телевизор. И вдруг показали кита. Он плыл по своим важным делам, но неожиданно остановился, сказал мне «здравствуй» и помахал плавником. Тогда-то я и проговорился. Соскочил с дивана и заорал «привет». Громко-громко, чтобы кит услышал. Из кухни прибежала мать, плакала, обнимала и загораживала экран. Я отталкивал ее, брыкался и повторял «кит, кит, кит!». После этого случая молчать я разучился, а мать стала звать меня Китом.

Я рос. Очень быстро. Но учителя физкультуры этого не замечали и ставили в шеренгу последним. А еще меня били. Все кому не лень. Наверное, просто не видели, что я кит. Я не сопротивлялся и рос еще быстрее.

Китам положено много есть. Но денег не хватало. Мать пекла лепешки из серой муки, жарила птичий фарш или делала из него фальшивые пельмени. Я очень хотел проглотить и свою порцию, и мамину, попросить добавку, но ни разу так не сделал. И рос еще и еще.

Но по-настоящему большим я стал, когда заболела мать. Ее очень сильно лечили. Так сильно, что у нее выпали волосы. Но это все равно не помогло. Она вернулась из больницы, легла на кровать и больше не вставала. Ухаживала за ней двоюродная тетка. Сначала она приходила часто, а потом, когда рядом с матерью стало невозможно дышать, все реже. И тогда за матерью ухаживал я. Я старался не смотреть ниже ее живота, а она старалась не глядеть мне в глаза.

– Много крови? – спрашивала мама.

– Нет, совсем чуть-чуть, – врал я и не показывал ей алое содержимое судна.

Через пару месяцев мать начала кричать. И материться. Хотя до этого никогда не материлась.

– Больше коли, больше! Воруешь, поди, мой морфий и продаешь, а я тут кровью под себя хожу. Какая же ты медсестра, ты – тварюга в белом халате! – и пыталась ударить, сыпля отборными матюгами.

Медработник просила меня поддержать мать, вгоняла иглу в серо-голубую вену, вводила лекарство и торопливо уходила. А я рос. Мог целую ночь просидеть рядом с матерью, а утром пойти в школу. Мог не мечтать о том, что она выздоровеет. А еще сумел не заплакать, когда она умерла.

– Какой ты у меня большой! – сказала мать накануне.

Но она даже не представляла, насколько большим может быть кит в двенадцать лет. И еще, что китам полагается рыдать только в воде – тогда не видно слез. Поэтому я не плакал. И лишь после похорон, когда пришел домой и увидел сдвинутые столы, на которых еще пару часов назад стоял гроб, набрал ванну и долго лежал на дне, периодически всплывая, чтобы глотнуть воздуха.

После смерти матери меня забрала тетка и поселила в летней кухне – крохотной и заваленной всяким барахлом. Я хотел остаться в нашей квартире, но это оказалось невозможным – тетка ее сдала.

– Кто тебя на халяву кормить будет? – объяснил мне теткин сожитель.

Кит вдыхает

Свобода – это когда ты никому не нужен. И главное, самому себе. Я был абсолютно свободен. Особенно после обеда, когда заканчивались уроки. Я шлялся по дворам или сидел среди барахла. Было скучно. Однажды я залез на чердак пятиэтажки: решил проверить, боюсь ли высоты.

– Ты кто такой? – спросил незнакомый пацан, когда я поднял люк. – Чего здесь потерял?

– Я Кит. Просто хотел посмотреть вниз. Можно?

– Валяй, – кивнул он.

Я подошел к краю. По улице шли маленькие люди и большие тени. По тениям проезжали машины. Тени клевали голуби. Тени врезались друг в друга. А люди ничего не замечали.

– Эй, Кит, кончай драть! Иди сюда, – позвал пацан. – Садись. Будешь? – и протянул пакет и тубик «Момент».

Сомнение.

– Не ссы. Забалдеешь.

Вдох. Вдох. Вдох. Вдох. Вдох.

Тени поднялись на крышу. По ноге поползли десятки жуков. Из школьного ранца вылез здоровенный сверчок.

– Еще! Вдохни пару раз! – приказал пацан.

Вдох. Вдох. Вдох.

Тени приколотили в небе на ржавые гвозди второе солнце – яркое, веселое, вязкое. Жарко. Руки тают, как пломбир. Сверчок жадничает:

– Эй, хватит, хватит! Харэ на первый раз, – и стаскивает пакет. – Завтра ты клей приноси...

Вдох. Вдох. Вдох. Вдох. Сентябрь. Бабочки облетели.

Вдох. Вдох. Вдох. Вдох. Октябрь. Лед пьет из луж.

Вдох. Вдох. Вдох. Ноябрь. День ослеп.

Тетка что-то замечала. Чтобы не потерять эту клеевую свободу, я возвращался не слишком поздно. Делал вид, что думаю над задачей по математике, а сам тупо пялился на тряпье, пустые банки, сваленные в углу доски и ждал прихода нового дня, который, как и другие, пах «Моментом».

Вдох. Вдох. Вдох.

Меня нашли рядом с тем пацаном. Я сидел и смеялся. И он смеялся, только беззвучно. На головах у нас были пакеты. Врачи сказали, что мне не хватило пары вдохов. Как ему.

Кит выдыхает

Выдыхал я долго. Сначала в психушке, потом в спецшколе – из обычной выгнали за неуспеваемость. Все справедливо, после «моментальной» осени начались проблемы с памятью. Зато среди придурков я считался почти гением. Тетка мной даже гордилась – из двоечников сделался хорошистом, а то, что вместо физики и химии преподавали труды, ее не беспокоило. Наоборот.

– Руками зарабатывать научат. Ну ее нафиг эту химию! Вон, дохимичился до психбольницы, – подбадривала она. – После школы работать пойдешь, не в институтах же тебя учить.

Сожитель, кстати, уже другой, поддакивал:

– В завод иди! Учеником. Нам рабочие во как нужны!

«В завод» я не хотел. Я желал снова вдыхать или хотя бы в свою квартиру. Среди кучи хлама на летней кухоньке я казался

себе маленьким. Таким, каким когда-то родился.

В шестнадцать лет образование поставило на мне крест. И заводы тоже. Потому что сотрудников отдела кадров пугал аттестат спецшколы. Выдох. Я перестал уменьшаться.

Выдох. Выдох. Выдох.

Кит барахтается

Учеником меня, в конце концов, приняли. В сапожную мастерскую. И мне понравилось. Потому что там в меня поверили. Мне поручили набойки и закуску. Набоек было два вида – полиуретановые и металлические, а закуска вообще одна – «Сельдь в томатном соусе». Я мог бы достичь больших высот в сапожном деле, не судьба – вмешалась тетка, случайно заглянувшая в мастерскую.

– Ах ты, гаденыш! Я-то думаю, чего он в сапожники подался? Опять токсикоманишь?! – завизжала она, приняхавшись. – А ну, марш домой!

Потом я работал грузчиком. Намного меньше, чем обувным подмастерьем. Киты, конечно, сильные, но фляги со сметаной и молоком оказались сильнее. В начале смены я удачно с ними боролся: хватал за ручки и пер в отдел. Но в конце дня фляги не менее удачно боролись со мной: висли на поясице, заставляли трястись поджилки. А одна даже выкинула меня за пределы магазина, когда взяла и вылила всю сметану на пол.

Еще я мыл машины – на светофоре подбегает к тачке и драишь стекло. И тебе несложно, и водителю открывается другой мир. Платят часто, но не всегда. По ногам проезжают редко, но метко. А в гипсе между машинами не попрыгаешь.

После я торговал на рынке. Метлами и снеговыми лопатами. Летом – метлами, зимой – лопатами. Утром принял сто метел, вечером сдал тридцать – получи процент с семидесяти. Простота. Любой выпускник спецшколы справится. И я справлялся. Пока однажды зимой хозяин не привез новые лопаты. Выгрузил, сказал цену и уехал. А я ее забыл, память-то у меня «вдохнулась», а назад не «выдохнулась». Но киты умные, стоимость на глаз определить могут. Я и прикинул. Тут как раз оптовик... А вечером хозяин меня уволил, сказал: «Хреновый у тебя глаз, Кит! Мне эти лопаты дороже обошлись, чем ты их двинул». И вместо процента пинка выдал.

Тогда я взял отпуск. Сначала за свой счет, а потом за счет тетки. Устал.

Я хотел махнуть к океану и найти того, другого кита, но у тетки что-то с финансами не срослось. Пришлось отдыхать бесцель-

но. До восемнадцати лет. Пока тетка не отдала ключи от квартиры и не перестала кормить.

Кит – младший офисный сотрудник

Прежде квартира казалась мне меньше. Возможно, оттого что я когда-то был большим-пребольшим, или потому что мебель куда-то исчезла. Я вел активную половую жизнь: сидел на полу, ел на полу и спал на полу.

Вскоре меня нашла работа. Сперва поманила из одной газеты, на которой спал, потом из другой – мне в нее семечек насыпали. Это был знак. Работе требовался Кит. «Примем на должность младшего сотрудника молодого человека без вредных привычек». Я подходил по всем статьям.

Как-то достали базары, магазины, улицы, чердаки, мне захотелось в тепло, в свой кабинет. Поэтому я принарядился. Надел половину костюма – брюки, единственную рубашку и надраил до блеска ботинки. Это было мое первое настоящее собеседование, я очень волновался.

Меня взяли. И попросили одеваться попроще, потому что в обязанности входило выносить мусор, подметать крыльцо, за пиццей бегать, машину шефу мыть или быть курьером... Навыки, полученные на предыдущих работах, оказались нелишними. Кабинет младшему сотруднику не полагался.

– Зачем тебе? Сидеть все равно не будешь, – пояснили мне.

И я не сидел. С утра я бежал за работой, но быстро выматывался так, что работа начинала бежать за мной. Больше всего нравилось доставлять документы. Можно было соврать, что сломался автобус, и поклоняться по городу. Особенно я любил заходить в «Чебуречную». Когда-то несколько раз я был там с матерью. Удивительно. Многое утекло: на материной могиле стала совсем взрослой березка, я – снова маленьким, люди ушли, птицы улетели в чужие края, забрав остатки прошлой жизни... А вкус чебуреков не изменился. Когда ел их, чудилось, что вот сейчас сюда войдет молодая женщина, держа за руку худенького мальчишку, и спросит его: «Хочешь чебурек, Китенок?». Никогда такого не будет.

Платили сносно, поэтому через полгода в квартире поселились диван, табурет и глобус. Хотя глобус я не покупал. Я его спас. Его выбросили на помойку, я шел мимо, увидел и подумал, что это как-то жестоко.

Через год мне стало грозить повышение. Из младшего со-

трудника я должен был стать начальником младшего сотрудника – завхозом. Но я отказался. Испугался, что разобьюсь о карьерные камни. В этой организации подсиживали, грызли, стучали и только потом работали. На мою же должность никто не посягал, поэтому я решил не плыть против течения.

Таня

Ее назначили новым боссом. Я написал имя на руке – «Таня». Чтобы не забыть. Я всегда так делал, с памятью на имена было особенно туго. Она заметила.

– Так зовут твою девушку?

– Нет, вас, – честно признался я.

Таня посмотрела на меня. Не так, как на других сотрудников. По-другому.

– Не забивай голову ерундой. Я старше тебя. К тому же я твой начальник.

И тогда я тоже посмотрел на Таню. По-другому. И увидел, что она младше меня, что ей вовсе не тридцать два, и несколько морщинок вокруг ее глаз – это просто недоразумение.

Через неделю я сильно простыл и не смог доставить документы по нужному адресу. За ними приехала Таня.

– Остальные все заняты, – сказала она. – Ты очень бледный. Чем ты лечишься?

Я показал упаковку аспирина.

– И все?

Я кивнул. Таня ушла, а через полчаса вернулась с лекарствами и медом.

– Вот эти принимай три раза в день, – объясняла она, сидя на краешке дивана. – А эти дважды...

Я не слышал больше ничего, целовал ее, всю-всю. Я видел, как надо, в фильмах. Это несложно.

А после она лежала рядом и тихо плакала.

– Я никому ничего не скажу, – успокаивал я ее. – Я могу уволиться, только скажи. Даже могу уехать далеко-далеко. К океану. Я всегда хотел уехать к океану...

– Меня никто туда не целовал. Даже муж, – наконец отозвалась она. – Я не думала, что может быть так хорошо.

Потом мы снова любили друг друга. Таня старалась, хотя это было абсолютно лишним и только подчеркивало, какая она маленькая. Просто девочка, которой хочет казаться взрослой...

Когда она уехала, я посмотрел на себя в зеркало. И не узнал.

Таким большим я не был, даже когда умирала мать. Просто громадина, заполнявшая собой комнату, город, планету, Вселенную. «Таня» можно было стереть, смыть, содрать, вырезать – все равно я никогда бы ее не забыл.

Снова Таня

– Я боюсь лошадей, – призналась Таня, когда мы проходили мимо пони. – Даже таких. Они только с виду добрые. Мне одна гадалка и посоветовала держаться от лошадей подальше.

– Вот и держись.

– Я и держусь. Только, знаешь, все равно хочется подойти и погладить. Назло гадалке, – она шагнула к лошадке и протянула руку.

Та дернула головой и цапнула Таню прежде, чем стоящий рядом хозяин успел среагировать.

– Вот же сволочь! – выругалась Таня, а потом рассмеялась. – Сбылось предсказание! Вот и не верь после этого гадалкам. Она же ясно сказала: «Страшная лошадь будет на твоём пути». Так и есть, смотри, ножки коротенькие, пузатая и хвост весь в репьях. У-у-у, пугало! – и показала пони язык.

Таня, и правда, была маленькой девочкой. И поступки, и мысли ее были нелогичны. Сначала думала, что я альфонс. Потом поняла, что меня не интересуют ее квартира, машина и деньги. Еще чуть позже стала таскать по магазинам, пытаясь купить мне то джинсы, то часы, то телевизор. Я отказывался, она обижалась. Говорила:

– Ты просто не хочешь зависеть от женщины, которая намного старше тебя.

Я смеялся. Потому что зависел от нее сильнее, чем от самого себя.

Иногда мы были очень близки, иногда она старалась убежать.

– Я тебе изменила. С одним бывшим.

– Зачем?

– Потому что ты мне не пара. Нам все равно придется расстаться. Это глупо. Мы просто теряем время. Тебе-то что, у тебя его много впереди. А мне надо спешить...

Я не мог даже разозлиться на нее.

– Ну и как? Понравилось?

– Нет. Прости меня.

И мы становились еще ближе.

Как-то Таня спросила:

– Ты счастлив со мной?
– Очень!
– Тогда это скоро закончится.
– Почему? – удивился я.
– Счастье не может длиться долго. Ну месяц, ну два, ну три. Не больше. Иначе это уже не счастье.

Не конец

Но это было именно счастье. Оно длилось всего два с половиной месяца. Как и положено настоящему счастью.

– Я не могу не поехать. Она моя подруга. Я же всего на пару дней. Отметим ее день рождения – и первым же рейсом назад.

И улетела в Пермь. Где ее уже ждала «Хромая лошадь». Она заманила Таню, а назад не выпустила. Многим разрешила выйти, а ей нет...

По комнате иногда ходит Танина тень, трогает мои вещи и шепчет:

– Знаешь, просто хотелось подойти и погладить... Мне надо спешить... Ты счастлив со мной?..

А я так и остался огромным. Громадным китом, которому тесно в комнате, в городе, во Вселенной. И которому надо плыть. Пусть не сейчас, не сразу, но надо. И, наверное, я поплыву. Все киты куда-то плывут.